

Хорошего должно быть как можно больше

*Русский телеграф,
Эрмитажная выставка Матисса*

еще раз убедила

русского зрителя в величии

Императорского музея

1998. — 5 марта. — с. 10



Анри Матисс. «Портрет мадам Матисс. Зеленая линия»

Уж чего-чего, а Матисса в Эрмитаже хватает. Тридцать семь картин, все почти шедевры, да еще такие, как «Танец», «Музыка», «Семейный портрет», «Разговор» и «Арабская кофейня». У них лишь один недостаток — почти все они к нам пришли из собраний Щукина и Морозова и, следовательно, написаны до 1914 года, поставившего точку на русском собирательстве западной живописи. Соответственно сорок остальных лет Матисса оказались представленными лишь двумя дарами Л.Н. Делекторской и являются ее портретами, что несколько однобоко очерчивает творческий путь великого мастера после начала первой мировой войны.

Зато до ее начала эрмитажное собрание являлось лучшим собранием Матисса в мире. Оно знаменито на весь мир, и все музеи рвут у Эрмитажа обещания показать его сокровища в своих стенах. Успех выставки эрмитажных Матиссов гарантирован — их ценность, и без того огромная, благодаря романтической удаленности Петербурга возрастает во много раз. На выставку Матиссов из Эрмитажа можно многое обменять и показать отечественной публике.

В Александровском зале открылась выставка, ставшая результатом подобного обмена, — «Анри Матисс и выдающиеся датские собиратели». В дальнейшем выставка, видимо, с подобным названием — «Анри Матисс и выдающиеся русские собиратели» откроется в Копенгагене. Обмен номинально совершенно равноценен — Матисс один, собирателей и в том, и в другом случае двое.

В датском случае собирателями были Кристиан Тецен-Лунд и Йоханнес Румп, осчастливившие Копенгаген второй по величине, после Эрмитажа, коллекцией Матиссов за пределами Франции. В коллекции Тецен-Лунда было 23 картины художника, в коллекции Румпа — 16. Затем они завещали коллекции Государственному художественному музею в Копенгагене, и к нам приехало 17 полотен художника, выполненных также в основном до 1914 года, так как в 20-е годы оба датских коллекционера почти прекратили покупки.

Первое же чувство, что должно наполнять русского посетителя выставки, — это осознание необыкновенного превосходства великой и могучей России над этой крошечной точечкой Европы вместе с ее ледяной Гренландией. Наши Матиссы — не чета вашим Матиссам. Размещенные в нашей экспозиции, они бы вяло утонули среди щукинско-морозовских шедевров и, пожалуй, за исключением трех вещей — «Роскоши II», «Красных рыбок» и «Интерьера со скрипкой» — оказались бы вообще незаметны. Но даже эти три вещи не очень дополняют нашу экспозицию — «Игра в мяч» и «Сатир и нимфа» вполне аналоги «Роскоши», натюрморты у нас намного лучше, чем «Красные рыбки», и лишь «Интерьер со скрипкой» 1918 года с его глубоким черным цветом и особым закрытым пространством может открыть что-то новое отечественному зрителю. Две одалиски 20-х годов ничем не лучше портретов Делекторской, и эти вещи лишь могут укрепить посетителя Эрмитажа в убеждении, что, разошедшись с Морозовым и Щукиным, Матисс не создал ничего хорошего.

Если Эрмитаж хотел доказать, что у датчан труба пониже и дым пожиже, то ему вполне это удалось. Но зачем на эту идею тратить целую выставку прекрасных Матиссов из собственной коллекции, непонятно. Неужели в Копенгагене было невозможно найти что-нибудь более интересное для музея, чем выставка, дублирующая нашу собственную коллекцию? В свое время Эрмитаж упустил выставку «Золотой век датской живописи», сочтя ее слишком скромной для столь знаменитого музея. Уже двадцать лет как весь мир упивается датским бидермайером, и такие художники, как Кебке и Экберг, уже давно котируются наравне с Фридрихом и Рунге. У нас они до сих пор неизвестны.

В том же музее в Копенгагене лучшая в мире коллекция датской живописи. Вместо семнадцати Матиссов вполне возможно было бы привезти 20—25 шедевров датской живописи, которые были бы и лучше, и интереснее, чем невыразительные импрессионистские опыты Матисса, составляющие чуть ли не половину экспозиции. Императорский Эрмитаж вполне бы пережил и не увидел их в своих стенах. Хотя даже слабый Матисс хорош, и русский зритель, посетивший Москву, Петербург и датскую выставку, теперь может пребывать в уверенности, что он знает этого художника до 1914 года лучше, чем кто-либо в мире.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ